

Т.В. Смирнова

**В защиту краеведа М.И. Смирнова:
о книге И.Н. Ершова «Михаил Пришвин и российская археология».
(М., 2012)**

Автор считает писателя причастным к археологии только на основании того, что тот, присутствовал на XV Археологическом съезде в 1911 г. и в 1925 г. присоединился к трехдневной (!) экскурсии по Переславскому краю, в которой участвовал археолог А.А. Спицын. В начале XX в. понятие «археология» рассматривалось как наука о древностях в широком смысле слова. И собственно археологических докладов (в современном смысле слова) на том Съезде было лишь около 10%, о чем пишет и Ершов¹. К тому же Пришвин, судя по приведенным автором отрывкам дневников писателя, мало что понял. Да еще дал карикатурные характеристики участников Съезда, в том числе профессоров Московской духовной академии А.П. Голубцова и С.И. Смирнова². Ершов с трудами этих профессоров-историков незнаком и оставляет легковесные и насмешливые высказывания о них Пришвина без комментариев.

Перейдем от этого, на наш взгляд, случайного появления писателя на Археологическом съезде к его участию в экскурсии со Спицыным и к взаимоотношениям писателя с известным краеведом М.И. Смирновым, руководителем экскурсии. Его разногласия с Пришвиным автор смакует, постоянно находясь на стороне Пришвина. Михаил Иванович Смирнов (1868–1949), родившийся в селе под Переславлем-Залесским, получил образование в Вифанской духовной семинарии и впоследствии окончил с золотой медалью Нижегородское отделение Археологического института. Он стал основателем и директором Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея (1918–1930) и председателем Переславль-Залесского научно-просветительного общества («Пезанпроб»)³.

Естественно Смирнов был рад плану Пришвина приехать в Переславль и, как тот сообщал в письме к Смирнову, работать над материалами Смирнова. Надеюсь, что писатель художественно изобразит его родной край, директор музея радушно предложил тому поселиться во дворце усадьбы Ботик, где Петр I строил первый флот, а в 1920-е гг. была устроена научная станция, изучавшая Плещеево озеро. Влюбленный в свой край, Смирнов мечтал и о создании в Переславле своего рода Барбизона, тем более что в городе уже жили художники Д.Н. Кардовский и его жена О.Л. Делла-Вос-Кардовская⁴.

И.П. Ершов усмехается: «Это были, мягко говоря, незаурядные, можно сказать, даже наполеоновские планы провинциального краеведа»⁵. Что «наполеоновского» в естественном желании, чтобы родной край отразился в художественных произведениях? А ведь в 1956 г. в Переславле открылся-таки Дом творчества художников. И многие живописцы запечатлели образ города и природу его окрестностей в своих творениях. Но вот о приглашении Пришвина Смирнову пришлось пожалеть. Писатель опубликовал «Родники Берендея. Фенологические записки станции Ботик»⁶. В этом очерке главное место было отведено летней экскурсии 1925 г. на лодках, предпринятой с целью археологических и этнографических исследований края. Однако Пришвин не дал правдивой картины. Смирнов впоследствии писал в своих еще не изданных воспоминаниях: «Но переславцев, прекрасно знающих свои места, окружавших их лиц, и в частности, и в общем, его книжка не удовлетворила и раздосадовала, как дешевенькое зеркало, в котором вы не узнаете свою физиономию. Слишком много в ней фальшивого, утрированного ради эффекта. Ни одного замечания, сделанного ему после чтения в научно-просветительном обществе, он не принял в расчет и исправлений не внес. Знал, что фальшивит, и все же фальшивил: так ему нужно было по плану»⁷.

Разумеется, упрекать писателя в выдумке бессмысленно. Но когда речь идет об очерке, в котором упоминаются конкретные, к тому же еще живые

тогда люди, указать автору на вранье можно и должно. Однако Ершов становится полностью на сторону Пришвина, вплоть до того, что считает, будто надо верить писателю в вопросе о том, сколько было экскурсий тем летом⁸. (Кстати, была и третья археологическая экскурсия в августе того же года, только без Пришвина). Ясно, что Пришвин как беллетрист мог, создавая художественное произведение, объединить две экскурсии (первая длилась 9 дней, вторая – 3 дня) в одну. Но этого не мог сделать Смирнов, будучи директором музея и руководителем экскурсий.

Автор приводит крайне оскорбительные высказывания Пришвина из его дневников о Смирнове, но не считает нужным привести мнение Спицына. В письме Спицына, присланном в связи с 25-летним юбилеем краеведческой деятельности Смирнова, говорится: «Высоко ценю дарования М.И. Смирнова, много более значительные, чем он сам о них думает. Высоко ценю его практическую дальноркость, которая могла бы иметь более широкий размах. Считаю единственными, образцовыми и лучшими краеведческими работами его труды: «Переславщину» и «Переславский уезд». Очень ценю его историческую монографию о литейном деле в старой Руси. Как археолог обрадован и удивлен его счастливой находке двух богатейших стоянок Каменного века в окрестностях Переславля, обнаруженных не случайно, а путем применения определенного краеведческого приема»⁹.

Смирнов писал в своих воспоминаниях: «Поразил меня А.А. [Спицын] своим пронизательным взглядом на Пришвина. Он сразу понял его как хищника и холодно ответил на заискивания [писателя]»¹⁰.

Весьма интересна статья Н.П. Анциферова «Беллетристы-краеведы. (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой)»¹¹. Ершов почему-то считает ее «заказной», связывает ее появление с придуманной автором конспиративностью (!) поездки Спицына в Переславль, а Анциферова называет литературоведом. Но Анциферов был не только литературоведом, но, прежде всего, научным сотрудником Центрального

бюро краеведения (ЦБК), а с 1927 г. – и действительным членом ЦБК¹². Анциферов писал: «М.М. Пришвин – прирожденный странник, с постоянным зовом в неведомую, но желанную даль. Кочевой дух наших предков в нём сохранил свою власть над жизнью. Скитальчество стало как бы профессией М. Пришвина». Заметим, что Ершов выдумывает, будто бы Смирнов опасался, что Пришвин – человек «перекати-поле», метит на его место¹³.

Далее в своей статье Анциферов пишет, что тяга писателя к пониманию лица края на основе интуиции при пренебрежении его научным изучением ведет к ряду ошибок, «часть которых проистекает из-за недостаточности знаний, другие же являются результатом сознательных отступлений автора от жизненной правды ради занимательности рассказа, яркости, а то просто “забавности” сведений. /.../ В особенности неприятно может подействовать на местных людей “стилизация” вполне произвольная, тех туземцев, с которыми общался наш автор. В подходе к живым людям надо быть особенно осторожным. /.../ Можно только пожалеть, что М.М. Пришвин своим художественным чутьем не проверил характеристики края и его населения, сделанной переславскими краеведами и в особенности М.И. Смирновым».

Неточно и утверждение Ершова, что Смирнов не был практикующим археологом, потому будто бы и приглашал В.А. Городцова¹⁴. Смирнов естественно был рад поучиться у известных археологов, таких как В.А. Городцов и А.А. Спицын. Последний, по словам Смирнова, приехав, подтвердил его соображения и дал много ценных указаний по раскопкам. Но Смирнов занимался разведками и раскопками и сам, что следует как из его воспоминаний, так и из того факта, что он получал открытый лист на раскопки, о чем, кстати, пишет и Ершов. Одна из заслуг Смирнова – составление археологической карты района¹⁵.

Возмутительно, что Ершов повторяет гнусные слухи, записанные не менее гнусно Пришвиным, что Смирнов будто бы осужден был как

казнокрад¹⁶. А можно ведь было хотя бы обратиться в Переславль-Залесский музей, раз уж самому автору недосуг было посмотреть следственное дело Смирнова в ФСБ. Смирнов был осужден по политической статье: 58, п. п. 10 и 11.

С нескрываемым удовлетворением Ершов сообщает, что Смирнов не мог оправиться от ареста и ссылки, и умер в нищете и безвестности¹⁷. Но правда состоит в том, что Смирнов никогда не оставлял научной работы. Вернувшись из нарымской ссылки, он продолжил работу в нескольких музеях, в том числе в Загорском историко-художественном музее (1937 г.). Не побоялся выступить на Ученом совете музея с докладом о преподобном Сергии, пытаясь «обелить Сергия Радонежского, заплеванного самым грубым образом»¹⁸. И в результате этого смелого поступка лишился работы, жилья и пенсии. Находясь в доме престарелых, он работал над книгой о Переславле, написал большой труд «Радонежские легенды и были», а также изучал историю Коломенского района Московской области, на территории которого находился дом престарелых¹⁹. Так, в ОПИ ГИМ хранятся несколько его работ, в том числе «Коломна. Путеводитель по городу и его окрестностям» (1946 г. 59 л.)²⁰. И умер он не в нищете и безвестности. Ершов напрасно радуется такому воображаемому концу. Когда директор Переславского музея К.И. Иванов в 1948 г. (!) пригласил Смирнова вернуться в музей, тот, хотя был обрадован приглашением, ответил отказом. Объяснил это тем, что ему 80-й год, и он с женой пользуется исключительными удобствами Черкизовского инвалидного дома повышенного типа, живет с женой в отдельной уютной комнате, на всем готовом, включая хорошее питание²¹.

Вся книга Ершова поражает профессиональной неряшливостью, пренебрежением к фактам. Так, он сообщает, что одной из причин переезда Пришвина в Переславль была обещанная оплата «по **организации** биостанции» на Ботике. А на следующей странице сам же соглашается с А.Л.

Никитиным. Тот писал (и справедливо), что биостанция была создана по инициативе Смирнова²². Вся книга изобилует небрежностями: путаные и неверные сведения автор дает, и тогда, когда речь идет о брате М.И. Смирнова – В.И. Смирнове и членах его семьи, о профессоре Московской духовной академии Д.И. Введенском, графе Ю.А. Олсуфьеве и других людях.

При этом он порой ссылается на то, что сведения им получены от других лиц. Но оказывается, что те лица таких сведений не давали²³. Еще автор использует словечко «якобы», чтобы заронить сомнение в достоверности воспоминаний М.И. Смирнова по поводу того, что искусствовед А.И. Анисимов взял в Москву на реставрацию переславскую икону XIV в. «Преображение». А можно было хотя бы посмотреть известный каталог ГТГ, чтобы убедиться в правоте Смирнова²⁴.

И можно было бы, например, справиться в интернете, что в 1930 г. максимальный срок административной высылки был три года, а не десять, как пишет Ершов²⁵. Можно было узнать год рождения И.А. Рязановского (1869). И не писать, что он был наставником молодых краеведов, «в том числе братьев Михаила и Василия Смирновых»²⁶. М.И.Смирнов был старше Рязановского на год!

Список подобных нелепостей можно продолжать и продолжать.

Хочется отметить и то, что автор постоянно использует слова «вероятно», «очевидно» и т.п. Он охотно пользуется всевозможными предположениями. Складывается впечатление, что построение разнообразных гипотез и включение в ткань книги не до конца проверенных фактов является сознательным приемом, входящим в методологический арсенал исследователя. Вот характерный пример: автор полагает, что в Загорске могли происходить встречи Пришвина с Никитиными, хотя сам замечает, что Пришвин в дневниках и не пишет об этом²⁷. Но Никитины (по словам А.Л. Никитина)²⁸, приехали в Загорск в 1940-м г., а Пришвин уехал из

города в 1937-м. Добавлю, что к приезду Никитиных в Загорск А.Л. Никитину исполнилось четыре годика.

Ершов приписывает открытие стоянки «Польцо» брату М.И. Смирнова Василию Ивановичу. Основание: А.Л. Никитин в **художественном произведении** со слов П.Н. Третьякова сообщает такие сведения²⁹. И автор развивает эту мысль, пытаясь доказать: ну никак не мог М.И. Смирнов открыть эту стоянку³⁰. А между тем, в воспоминаниях М.И. Смирнова сказано, что в 1924 г. он ездил на лодке по реке Вексе и на Сомино озеро с целью обследования берегов в археологическом отношении³¹. Именно таким и был на маршрут экскурсии с А.А. Спицыным на следующий год. И автор намекает на то, что В.И. Смирнов ездил на экскурсию с фольклористом Ю.М. Соколовым под Переславль в 1924 г. (которую Ершов считает почему-то научной экспедицией)³². На самом деле летом 1924 г. работала Верхневолжская этнографическая экспедиция Института истории материальной культуры под руководством Д.А. Золотарева. И В.И. Смирнов был заместителем начальника экспедиции по Костромской губернии³³.

В заключение отмечу две ошибки особого рода. Во-первых, Ершов дает ссылки на **книгу**: Смирнов М.И. Воспоминания и записки. М., 2003. Такой книги нет в реальности, ее текст помещен только в интернете. Рукопись воспоминаний Смирнова хранится в Государственном архиве Ярославской области, машинописные копии в ОПИ ГИМ и в архиве Т.В. Смирновой. Во-вторых, Ершов написал, что у В.И. Смирнова и Л.С. Китицыной не было детей³⁴. Таким образом, если верить данному историку, этот статью написал несуществующий человек.

¹ Ершов И.Н. Михаил Пришвин и российская археология. М., 2012. С. 63.

² Там же. С. 66, 80–81.

³ Филимонов С.Б. Обзор архива М.И. Смирнова // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1971. С. 318–324.

⁴ Смирнов М.И. Воспоминания и заметки. С. 46. Электронный ресурс pki.botik.ru/books/smi-tetr.pdf.

⁵ Ершов И.Н. С. 124.

-
- ⁶ *Пришвин М.М.* Родники Берендея. // Красная Новь. 1928. № 8/9.
- ⁷ *Смирнов М.И.* Михаил Михайлович Пришвин в Переславле-Залесском. ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–33 об.
- ⁸ *Ершов И.Н.* С. 131.
- ⁹ *Смирнов М.И.* Воспоминания и заметки... С. 52.
- ¹⁰ Там же. С. 65.
- ¹¹ *Анциферов Н.П.* Беллетристы-краеведы. Вопрос о связи краеведения с художественной литературой // Краеведение. 1927. № 1. С. 31–46.
- ¹² *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 414–415.
- ¹³ *Ершов И.Н.* С. 124.
- ¹⁴ Там же. С. 131.
- ¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 191.
- ¹⁶ *Ершов И.Н.* С. 163.
- ¹⁷ Там же. С. 130.
- ¹⁸ *Смирнова Т.В.* Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928–1941. Труды ГИМ. М., 2005. С. 418–419.
- ¹⁹ *Жогин И.В.* Научная и общественная деятельность историка М.И. Смирнова в Коломенском крае /1943–1949 гг./ М., 2009. Дипломная работа студента 5-го курса РГГУ.
- ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 191.
- ²¹ *Жогин И.В.* С. 42.
- ²² *Ершов И.Н.* С. 123, 124.
- ²³ Там же. С. 128. (Ссылка на И.В. Белозерову).
- ²⁴ *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Кат. 217. С. 257–258.
- ²⁵ *Ершов И.Н.* С. 130.
- ²⁶ Там же. С. 188.
- ²⁷ Там же. С. 157.
- ²⁸ *Никитин А.Л.* Рассказ о своем детстве в Загорске. Запись сделана автором. Архив автора.
- ²⁹ *Никитин А.Л.* Возвращение к Северу. М., 1979. С. 43.
- ³⁰ *Ершов И.Н.*... С. 128.
- ³¹ *Смирнов М.И.* Воспоминания и заметки... С. 44–45.
- ³² *Ершов И.Н.* С. 120.
- ³³ *Смирнов В.И.* Народ в тюрьме (1930–1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882–1941). Сергиев Посад, 2011. С. 126.
- ³⁴ *Ершов И.Н.* С. 128.

Опубл.: Художественное наследие Владимирского края. История и культура. Материалы V межрегиональной научной конференции. Александров, 2013. С. 197–208.